УДК 947.8

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР (1985–1991 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С.А. Величко

Омский государственный технический университет
E-mail: velichko01@mail.ru

Период перестройки в СССР (1985—1991 гг.) — один из наиболее важных событий в истории нашей страны. Сейчас в исторической науке создаются основные методы, концепции, так или иначе оценивающие этот период. Цель настоящей работы — показать процессы становления и развития современной историографии перестройки как отечественной, так и западной. В статье рассматриваются причины, характер и последствия реформ Горбачева. Также автор дает анализ исторической литературы, посвященной социально-политическому движению 1985—1991 гг.

Около двадцати лет отделяют нас от апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на перестройку. События, произошедшие в СССР после него, имеют огромное историческое значение как для судеб бывших союзных республик, в первую очередь для России, так и для всего мира. Сегодня перед историками стоит проблема создания новой научной парадигмы современных политических процессов, так как политические движения, конфликты конца XX века имеют свои особенности и специфику. Они имеют более "бархатный", мирный характер, чем, например, политические конфликты начала и середины XX века. К тому же без объективного осмысления политических процессов, происшедших в России на рубеже 90-х гг., невозможно справиться со всеми полити-

ческими, социально-экономическими проблемами сегодняшней России.

В историографии перестройки уже сделаны первые шаги, можно выделить два этапа ее развития. Первый этап – 1985–1991 гг. Т.е. период, хронологически совпадающий с эпохой преобразований М.С. Горбачева. В этот период появляются первые работы, пытающиеся осмыслить начавшиеся в стране глобальные политические преобразования [1–5]. Обоснованием для выделения этого этапа служит то, что почти все труды, написанные в этот период, исходят из концепции демократического социализма и, как правило, носят комментаторский характер, популяризируют перестроечные идеи. Авторы стремятся объяснить, донести до рядового читателя смысл и значение таких политических терминов как демократизация, гласность, ускорение, правовое государство.

В литературе тех лет можно выделить блок исследований, посвященный становлению и развитию неформального, или, так называемого самодеятельного движения [6–11]. Авторы этих работ старались скрупулезно обобщить весь имеющийся у них материал; в их исследованиях в научный оборот было введено много новых источников, статистических данных. Но во многих работах нет еще четкой классификации различных политических движений, нередко в одном и том же контексте под понятием неформалы рассматриваются и политизированные самодеятельные движения, и различные течения молодежной субкультуры. Оценка самих политизированных движений нередко противоречива: приветствуя самодеятельность масс, некоторые авторы опасаются – не выйдут ли эти движения за пределы дозволенного.

С середины 1990 г. начинается постепенный отход общественности от коммунистической идеи, начало становления многопартийности, провозглашение суверенитета России. Исследования последних лет перестройки представляют разнообразные оценки происходящих событий, но их объединяют обостренная политизированность и некоторая легковесность в суждениях – авторы в большинстве своем солидарны в том, что пройдет небольшой промежуток времени и Россия превратится в полноценную демократическую страну. Многие исследователи оставались приверженцами официального партийного курса, хотя и ратовали за обновление его, признавая приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, возможность формирования в СССР многопартийной системы, а сам социализм рассматривали как гуманный демократический строй "с человеческим лицом" [12–15].

Второй этап в развитии историографии указанной проблемы охватывает период с 1992 г. по наши дни. Этот период характеризуется многообразием позиций, отходом многих российских исследователей от формационной теории, широкой популярностью в российской историографии теории модернизации, теории революции элит, более тесной взаимосвязью с зарубежными исследователями.

Очень многие исследователи политической истории России рубежа 80–90-х гг. опираются в своих выводах на теорию революции элит. Указанной теории придерживаются как историки, так и другие ученые-обществоведы: М.Ю. Малютин, В.Б. Пастухов, Д.Е. Фурман и другие [16-21].

Все эти авторы солидарны в том, что изменения общественно-политического строя России были обусловлены тем, что партийная и советская номенклатура, упрочившая свое положение в 60–80-е гг. и, по существу, являвшаяся фактическим собственником того, что юридически принадлежало общенародному государству, захотела юридически оформить свое положение. Именно поэтому Россия на рубеже 80–90-х гг. возвращается в лоно капитализма, а "новые русские" в своем подавляющем большинстве те же люди, которые занимали высокие партийные, советские и хозяйственные посты в доперестроечное и перестроечное время. Д.Е. Фурман одним из первых отметил "странный характер нашей революции" – "сопротивление старой номенклатуры было поразительно вялым" [20]. Исходя из этого, он делает поразительный вывод, что в 1985–1991 гг. не было борьбы элит, и как следствие смены правящей элиты. Состав правящей элиты до и после перестройки практически не изменился: "... практически не может идти речь о новой и старой элите. Элита у нас в целом, за исключением немногих отдельных "вкраплений", – прежняя, и все грандиозные символические и институциональные перемены произошли при минимальных изменениях в составе правящих кругов" [20]. В чем же тогда причина перемен, произошедших в России в конце XX века? Д.Е. Фурман считает, что она состоит в том, что правящая элита СССР на рубеже 80–90-х гг. полностью потеряла веру в официальную идеологию марксизма, поэтому и начинается перестройка – революция элит. Различные политические группировки лишь имитировали идейную борьбу (коммунисты и демократы), на самом деле борьба шла за сохранение своего статуса, власти, денег в условиях краха коммунистической идеологии [20].

В похожем духе сформулировали причины революции элит Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер. Они считают, что перестройку вызвало к жизни "противоречие между принципами официально господствующей идеологии социализма и частными эгоистическими мотивами и интересами мирка номенклатуры" [16].

Об активности элиты в условиях переходного периода в России пишет М.Ю. Малютин: "Минувшие четыре года были эпохой, когда наиболее активные и сообразительные выходцы из старой номенклатуры первого – второго ранга поступили на "курсы переквалификации для "политиков" и "бизнесменов", начали работать и жить вопреки старым правилам игры, разрушая остатки существующей управленческой вертикали" [18].

А.П. Бутенко отмечает, что, несмотря на кажущийся фасад перестройки, выступающей за равноправие, возвращение власти Советам, на самом

деле имели место совсем иные процессы. "Под прикрытием разговоров о демократической реформе происходит приведение состояния, которое фактически имело место при "реальном социализме" – политическая власть и собственность узурпированы номенклатурой, – в юридически оформленное" [22]. После августовских событий 1991 г., – считает автор, – произошел перелом в проведении революции элит. Противоречие между фактическим и юридическим состоянием было уничтожено. Таким образом, сложилась ситуация, при которой "... то, что раньше хотя бы юридически принадлежало народу, а фактически служило номенклатуре, теперь не только фактически, но и юридически принадлежит новой элите, соединяющей в себе часть прежней партийно-государственной бюрократии с новыми выдвиженцами ("новые русские") [22]. С выводами А.П. Бутенко можно согласиться, но вызывает сомнения вывод о том, что перелом в революции элит произошел в августе 1991 г. Скорее всего, прав М.Ю. Малютин (и факты это подтверждают): "массовый переход местной номенклатуры на сторону Ельцина начался, конечно, не в августе 1991 г., а летом 1990 г." [18].

В.Б. Пастухов наиболее глубоко анализирует причины революции элит. Он считает, что процесс трансформации российского общества начался еще в годы застоя. Уже в те годы должность рассматривалась как возможность пользоваться частью государственной собственности. "Относясь к должности как к частной собственности, – пишет автор, – советская элита опосредованно относится как к частной собственности и к той доле государственного имущества и благ, доступ к которым она получает благодаря служебному положению. Таким образом, в стране постепенно устанавливались опосредованно буржуазные отношения. ... обуржуазившаяся номенклатура становилась номенклатурной буржуазией" [19]. Последствия этих изменений проявились в эпоху перестройки, "чтобы стать "частным собственником", номенклатуре необходимо было уничтожить ... "социалистическую" собственность" [19], что и было сделано. Однако, все эти преобразования, как справедливо замечает В.Б. Пастухов, "были предопределены отнюдь не гуманистическими и демократическими воззрениями инициаторов и участников этого политического процесса, а экономическими интересами элиты, стремящейся юридически закрепить свои права" [19].

Исследования сторонников теории революции элит вносят важный вклад в раскрытие, пожалуй, одной из главных причин смены общественно-политического строя России. Верность теории революции элит подтверждают данные сектора изучения элиты Института социологии РАН. Согласно им выходцы из старой советской номенклатуры составили более 75 % новой политической российской элиты и 61 % бизнес – элиты [17]. Но и эта теория, которая кажется на первый взгляд столь наглядной и убедительной, не лишена недостатков. Она сводит всю перестройку к борьбе за власть "в верхах", не учитывая всего многообразия факторов, влияющих на развитие событий, в частности роли массовых общественных движений, нарастающего социально-экономического кризиса и др. причин.

1. Теория модернизации оформилась во второй половине XX в. Создателями этой теории были известные западные социологи Т. Парсонс, С. Липсет, Р. Бендикс. Согласно теории модернизации все страны мира, начиная с XVIII в., идут по пути модернизации ("*modern*" (англ.) – современный), т.е. осваивают высокие технологии, рыночные механизмы и политические демократические модели. Таким образом, в основе мирового исторического прогресса лежит процесс превращения всех традиционных обществ в общества современные.

Последовательным сторонником теории модернизации является известный российский ученый, профессор МГИМО, первым выпустивший учебник по истории современной России [23], В.В. Согрин. Российская модернизация, по В.В. Согрину, прошла несколько этапов:

2. Петровские реформы, так называемая протомодернизация, т.к. западная цивилизация сама была еще в начале модернизационных преобразований;
3. Екатерининские реформы, большей частью намерения;
4. Реформы Александра II 60–70-х гг. XIX вв.; деятельность С.Ю. Витте и П.А. Столыпина;
5. Преобразования И.В. Сталина, здесь модернизация под вопросом, т.к. в основе сталинской индустриализации лежала антизападная общественно-политическая основа;
6. Второй опыт советской модернизации "сверху" во времена Н.С. Хрущева;
7. Реформы М.С. Горбачева и посткоммунистическая модернизация [24, 25].

Причем реформы М.С. Горбачева с точки зрения В.В. Согрина можно разделить на два этапа: первоначально (1985–1987 гг.) осуществлялась классическая модель советской модернизации "сверху". Но уже в 1987 г. М.С. Горбачев, обнаружив ее банкротство, выходит за рамки советского варианта модернизации, обращается за помощью к демократии и рынку, а народу бросает клич: "Поддержите снизу!" На втором этапе деятельности (1987–1991 гг.) М.С. Горбачев попытался сделать то, чего до него не делал никто в СССР – соединить социализм с демократией и рынком. Но такого объединения не выдержала советская система – введение демократии и отказ от имперской политики делали распад СССР рано или поздно неизбежным [25].

Таким образом, радикальное обновление социально-политических ориентиров российского общества на рубеже 80–90 гг., "вестернизация" этих ориентиров, по мнению автора, представляется закономерным этапом российской модернизации. В своих исследованиях [23–30]. В.В. Согрин сумел отойти от современных политизированных оценок

нашей недавней истории, дать убедительную периодизацию современного переходного периода. В то же время он ставит такой острый вопрос: насколько совместима модернизация с сохранением национальных основ вступающих на ее путь цивилизаций.

Своеобразным подходом отличаются работы А.С. Барсенкова: монография "Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991" и учебник для студентов вузов исторических и политологических специальностей "Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.", вышедшие из печати совсем недавно. В них он излагает свое видение преобразований в СССР в 1985–1991 гг., их причин (внутреннего и внешнего характера) и последствий. На наш взгляд, ему удалось совместить сильные стороны теории модернизации и теории революции элит. Автор излагает представления партийно-государственной элиты о возможных моделях реформирования общества, освещает причины появления российского фактора на политической арене СССР. Затем анализирует влияние противоборства союзного и российского центров власти на состояние единого союзного государства, показывает процесс демонтажа союзных структур, характеризует изменения в системе российской власти, во многом по-новому освещает события августа 1991 г., обозначает тенденции идейно-политической эволюции российского общества после этих событий.

Следует отметить, что ни одна из выше изложенных теорий не может стать единственной и универсальной в объяснении причин, содержания и последствий перестройки. При исследовании современной истории России следует учитывать сильные стороны этих подходов. Теория революции элит вскрывает одну из причин начала перестройки, объясняет, почему состав современной российской элиты в основном остался прежним, показывает процесс формирования российской буржуазии ("новые русские"). Теория модернизации считает перестройку закономерным этапом всемирно-исторического процесса "вестернизации", но в то же время не учитывает культурно-исторических особенностей России. Ее можно отнести к либеральным теориям западнического типа, которые распространяются в России, начиная с 40-х годов XIX века.

Следует отметить, что реформы, проходящие в России, вызывают интерес западных ученых. Еще в ходе перестройки появились первые работы, в которых были предприняты попытки оценить масштаб перемен, идущих в СССР. Это монографии С. Уайта "Горбачев у власти", М.Е. Урбана "Вся власть Советам! Демократическая революция в СССР" [31, 32] В целом в первых работах, вышедших за рубежом в годы перестройки, превалирует приветствие перестройки, восторг от размаха преобразований. Но уже в работе Н. Робинзона, увидевшей свет в 1991 г., делается попытка осмыслить перемены, произошедшие в СССР. Если дословно перевести название статьи, оно звучит так: "Партия приносится в жертву мне": Горбачев и место партии в советских реформах, 1985–1990 гг." [33]. В этой статье ставится цель проследить, как обошелся М.С. Горбачев с партией в процессе реформ. Автор выделяет в своем исследовании три генеральных этапа реформ. Первый этап реформ занимал промежуток времени от избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС до Пленума ЦК КПСС в феврале 1988 г. Этот этап предполагал лишь экономические преобразования с сохранением лидирующей роли КПСС. Партия на этом этапе по-прежнему оставалась политическим авангардом. Второй этап реформ начался в 1988 г. и был связан с реформой избирательной системы, выборами народных депутатов СССР и завершается он первым съездом народных депутатов СССР. Основное содержание этого этапа – реформа представительных институтов власти, по-прежнему партия стоит во главе. 87 % народных депутатов СССР были коммунистами, но уже в это время формируется оппозиция партии во главе с Б.Н. Ельциным. Третий этап, связанный с противостоянием М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, начался с первого съезда народных депутатов и в статье рассматривается до XXVIII съезда КПСС включительно. Во время этого периода была отменена статья 6 Конституции СССР, но КПСС так и не заняла определенного места в политической структуре страны, ее положение автор справедливо признает довольно шатким, непостоянным и считает, что партия была принесена М.С. Горбачевым в жертву в ходе острой политической борьбы с Б.Н. Ельциным.

Работы, вышедшие в 1992 г., уже констатируют факт коллапса коммунизма в СССР [34, 35]. Причем в статье С. Уайта даже поднимается вопрос: а был ли построен социализм в СССР вообще, даже в деформированном виде, или нет? Если советское общество – не социализм, то, как же его классифицировать? В конце статьи делается вывод о том, что попытка СССР в течение более чем 70 лет построить социализм в изоляции потерпела неудачу, поэтому советское общество и пошло на диалог с европейской социальной демократией.

Особые споры идут по вопросу о причинах и возможности реформ в СССР. Если исходить из концепций, господствующих в западной исторической науке, в недавнем прошлом в СССР существовал "моно-организованный социализм" с неограниченной властью единой партийно-номенклатурной элиты, с закрытой системой рекрутирования элиты, с монопольным господством в идеологии марксизма-ленинизма. Таких взглядов придерживались наиболее влиятельные на западе авторы: Альфред Мейер, Т.Х. Ригби и Хиллен Тиктин [36–38]. В отличие от них Девид Лейн в своей работе ставит под сомнение эту концепцию. Он рассуждает так: если предположить, что в СССР действительно существовал "моно-организованный социализм", который предполагал диктат партии во всех сферах жизни общества, то становится непонятно: откуда в рамках такой системы могли появиться реформаторы типа Горбачева? Девид Лейн считает, что в СССР существовала не единая монополистическая партийно-государствен-

ная элита, а множество сегментарных элит со своими интересами и сферами влияния, которые постоянно взаимодействовали и обеспечивали стабильность системы. Но когда стало ясно, что марксизм-ленинизм как идеология потерпел поражение, не обеспечивалось превосходства социализма над капитализмом, молодая генерация деятелей элиты выдвинула из своей среды М.С. Горбачева [39].

Споры вызывает вопрос о начале кризиса советской системы. Один из ведущих специалистов по советской истории в Великобритании профессор Кентерберийского университета Ричард Саква считает, что симптомы кризиса в СССР были заметны уже в начале 80-х годов [40]. Стивен Коткин в своей очень популярной на западе работе "Армагеддон предотвращен: советский коллапс" (2001) рассматривает кризис советской системы, начиная с 1970 г., а его последствия, как считает автор, влияют на положение в России и в мире вплоть до сегодняшнего дня [41].

С. Уайт совместно с коллективом авторов считает, что советская система была идеократической по своему характеру, т.е. такой системой, где господствовала единственная официально разрешенная идеология – марксизм-ленинизм. Такая система в своем неизменном виде долго просуществовать не могла. С началом перестройки происходит отход от ортодоксии, а затем и конец ортодоксии [42]. Профессор из Пенсильвании Марсия А. Вейгл считает, что советская система к 1985 г. переживала двойной кризис: модернизационный и легитимный. Модернизационный кризис ставил перед реформаторами три проблемы: 1) Переход от неизменно централизованной экономики к экономике постиндустриального общества; 2) Преобразование партийно-государственной бюрократии в структуры социального выбора; 3) Противоречие между идеологизированностью и необходимостью развития образования и профессионального роста населения. Второй кризис заключался в вопросе о легитимности власти КПСС. В целом концепция автора представляется продуманной, но не со всеми выводами можно согласиться, иногда у автора проскальзывает резкость, бескомпромиссность в оценках. Например, спорным является вывод о моральной и физической деградации рабочих в СССР. До сих пор дискуссионным остается вопрос, предполагал ли М.С. Горбачев изначально разрушить советскую систему. Большинство историков перестройки считают, что вряд ли. Однако в объемном исследовании М.А. Вейгл утверждается, что Горбачев уже в 1985 г. понимал, что не обойтись без экономической и политической модернизации и релегетимизации основ власти КПСС [43].

Крупнейший зарубежный специалист по советской истории времен перестройки профессор Оксфордского университета Альфред Браун считает, что в 1985 г. М.С. Горбачев желал реформировать советскую систему, а не кардинально изменить ее и тем более разрушить. С его точки зрения пять определенных характерных черт, взятые вместе, делали коммунистическую систему принципиально отличной от других авторитарных и тоталитарных систем:

- гегемония коммунистической партии;
- большая централизация партии, запрет фракций и дебатов (демократический централизм);
- государственная собственность на средства производства;
- декларирование строительства коммунизма как окончательной цели;
- участие, или в советском случае лидирование, в международном коммунистическом движении.

Но, начиная с I съезда народных депутатов СССР (май–июнь 1989 г.), все эти основы советской системы постепенно разрушались. Во многом этот процесс становился независимым от воли М.С. Горбачева. И, в конце концов, место М.С. Горбачева в Кремле и комплекс зданий на Старой площади занимает Б.Н. Ельцин и его команда. Но, несмотря на все ошибки последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, А. Браун считает его одним из величайших реформаторов в истории России. Во-первых, именно он сумел воплотить перестройку в жизнь, хотя ее объективные причины назрели давно. Но ни Устинов, ни Черненко такой возможностью не воспользовались. Во-вторых, несомненными заслугами М.С. Горбачева являются: окончание холодной войны между востоком и западом, большая роль в том, что страны Восточной Европы становятся свободными и независимыми. Провозглашение на деле, а не на словах свободы слова, собраний, ассоциаций, прессы, совести делает Россию свободной страной, такой, какой она не была за всю свою долгую историю [44]. В совместной работе А. Брауна и отечественного исследователя Л. Швецовой сравниваются два лидера российской трансформации – М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. Критериями для сравнения были избраны: стиль руководства, методы воздействия на них, интересы и институты поддерживающие их или конфликтующие с ними. Симпатии авторов, конечно, на стороне М.С. Горбачева [45].

В довольно-таки объемной и подробной монографии Р.В. Даниельса "Российская трансформация. Крушение системы" последний Генеральный секретарь ЦК КПСС оценивается двояко. М.С. Горбачев достиг двух эпохальных успехов и испытал два тяжких поражения. Успехи состояли в преодолении сталинистского наследства внутри страны и в отказе от политики с позиций силы на внешней арене. Поражения М.С. Горбачева основаны на его успехах: полная парализация советской экономической системы, и распад СССР на множество национальных элементов [46]. В целом работа выполнена в традиционном стиле. М.С. Горбачев – реформатор, Е.К. Лигачев – консерватор, между ними идет борьба, заканчивающаяся вначале триумфом М.С. Горбачева. А затем разгорается противостояние между левыми и правыми, причем левыми в книге называются согласно традиционной перестроечной риторике – внепартийные демократы и сепаратисты в союзных республиках, а

правыми – консерваторы в КПСС [46]. М.С. Горбачев пытается сохранить центристские позиции в этой борьбе, но объединить столь противоположные силы не удается. Все заканчивается его поражением и крушением всей советской системы.

Большое место оценке роли М.С. Горбачева в перестроечных преобразованиях уделено в коллективной работе "Россия после холодной войны", выполненной под редакцией М. Бовкера и С. Росса. Один из разделов книги даже называется "Горбачевская эра". В отличие от Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко, пишут авторы, Горбачев вступил в активную политическую жизнь уже после смерти Сталина. Следовательно, он не боялся репрессий и идеологические догмы были для него не так сильны. Кроме того, это был единственный советский лидер после Ленина, окончивший университет. Еще до избрания его Генеральным секретарем М.С. Горбачев побывал на западе – в Италии как турист и в Канаде и Британии в составе официальных делегаций. Поэтому он был знаком с западом и не очень верил в карикатуры советской пропаганды, рисующие его в неприглядном виде. Но авторы не согласны с тем мнением, что М.С. Горбачев хотел разрушить коммунизм. Он, наоборот, хотел сохранить коммунистическую систему, и многие его реформы подтверждают этот факт. Его собственная терминология, использование слова "перестройка", которое авторы книги переводят на английский язык как реструктуризация, доказывает приверженность М.С. Горбачева идее некоторых изменений системы при сохранности незыблемых ее основ. Одной из выдающихся реформ М.С. Горбачева авторами называется введение гласности. Но в то же время либерализация системы подорвала три столба, на которых она держалась – идеологию, КПСС и сильную власть государства. Сделал ли М.С. Горбачев это преднамеренно или это был побочный результат его реформ, но он разрушил все три системные основы. М.С. Горбачев желал ренессанса коммунизма, а в действительности произошла деструктуризация коммунистической системы и коллапс Советского Союза [47].

В работе М.Е. Урбана "Шаги политической идентификации в поздней советской и постсоветской России" доказывается, что процесс политической идентификации политических партий (т.е. определение целей, дифференциация интересов, национальная идентификация) в России еще не завершен. В России демократы обстреливают парламент (1993), коммунисты наоборот – защищают конституционализм. Ни одна из партий, возникших в 1990 г., не определилась с практическими целями и специфическими проблемами. Их объединял антикоммунизм, негативизм. Каждая из партий называла себя противостоящей КПСС и демократической: "христиан-", "социал-", "либерально-демократической". Даже язык демократической оппозиции в России структурировался старыми, официальными штампами: "Коммунизм за плановую экономику, мы за рынок. Коммунизм за коллективизм, мы за индивидуализм. Коммунизм подавлял свободу, мы за нее" [48].

"Как Россия голосует" – такое громкое название своей работе дал коллектив авторов под руководством С. Уайта. В ней содержится богатый аналитический материал по реформе избирательной системы в СССР. В книге подчеркивается, что когда Михаил Горбачев стал генеральным секретарем ЦК КПСС в 1985 г., избирательная система в СССР была такой, какой она была создана в Сталинскую эру, обеспечивающей единственному кандидату поддержку 99,9 % голосов избирателей. Новый избирательный закон от 1 декабря 1988 г. создал первый работающий парламент в советской истории. Причем при выборах народных депутатов СССР в 1989 г. только в 399 округах (не многим более 10 %) из 3721 баллотировался единственный кандидат [49].

Вклад зарубежных историков в изучение советской истории периода перестройки довольно-таки велик. Ими исследованы многие аспекты перестройки: причины кризиса советской системы, роль личности М.С. Горбачева в проведении преобразований, изменение места КПСС в политической системе СССР, развитие многопартийности в России, избирательная реформа. Западные ученые имеют уникальный шанс посмотреть на события недавнего российского прошлого как бы со стороны. Но, к сожалению, немногим удается остаться объективными в своих выводах. Из западных историков, занимающихся историей России конца XX века, хотелось бы выделить А. Брауна, Р. Сакву, М. Урбана и С. Уайта. Они сумели отойти от идеологических штампов, и каждый из них создал свою глобальную концепцию последних лет истории СССР.

В целом начальный период формирования историографии перестройки близится к своему завершению. Перед учеными, изучающими историю России конца XX века, стоит задача всестороннего изучения современных политических процессов, исследуя всю совокупность факторов, влияющих на развитие событий: экономических, политических, социальных, культурных, субъективных и др. Универсальную теорию, объясняющую историю, создать практически невозможно. Времена монокаузальности, когда ученые искали одну причину, объясняющую исторические события, уходят в прошлое. Наступают времена, когда в науке будет господствовать поликазуальный подход, учитывающий все многообразие причинных факторов. Следует стремиться к созданию новой исторической концепции на основе принципа объективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л.И. Советское общество: революционное обновление. – М.: Профиздат, 1989. – 96 с.
2. Виттенберг Е.Я. Активность масс в условиях перестройки. Диалог с советологами. – М.: Знание, 1989. – 62 с.
3. Корельский В.М. Власть. Демократия. Перестройка. – М.: Мысль, 1990. – 237 с.
4. Кузнецов В.Б. Политические принципы перестройки: вопросы и ответы. – Кемерово: Кн. изд-во, 1989. – 149 с.
5. Попов С.И. Политика, экономика, мораль. – М.: Политиздат, 1989. – 238 с.
6. Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? – М.: Мысль, 1990. – 269 с.
7. Добрынина В.И., Суслова Е.А., Ювкин М.И. Самодеятельные инициативные организации: проблемы и перспективы развития. – М.: Знание, 1990. – 48 с.
8. Неформалы: кто они? Куда зовут? / Под ред. В.А. Печенева. – М.: Политиздат, 1990. – 334 с.
9. Общественные самодеятельные движения: проблемы и перспективы. Сб. научных трудов / Отв. ред. Е.Н. Суслова. – М.: НИИК, 1990. – 447 с.
10. Шешма М.В. Диалог или конфронтация? Краткий обзор деятельности, программных установок и целей, идеологии и тактики Демократического Союза. – М.: Московский рабочий, 1989. – 32 с.
11. Неформальная Россия: О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / Сост. В.Н. Березовский, Н.И. Кротов. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 380 с.
12. Борисов В.К. Демократизация общества и преодоление бюрократизма. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 116 с.
13. Бутенко А.П. Откуда и куда идем: Взгляд философа на историю советского общества. – Л.: Лениздат, 1990. – 288 с.
14. Бутенко А.П. Советская многопартийность: проблема формирования. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
15. Кудрявцев В.Н. Какое государство мы строим. – М.: Политиздат, 1991. – 96 с.
16. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.
17. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51–65.
18. Малютин М. "Новая" элита в новой России // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 36–45.
19. Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: "новые русские" // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 49–56.
20. Фурман Д.Е. Наша странная революция // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 9–17.
21. Фурман Д.Е. Революционные циклы России // Свободная мысль. – 1994. – № 1. – С. 12–16.
22. Бутенко А.П. О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 95–101.
23. Согрин В.В. Политическая история современной России: 1985–1994. От Горбачева до Ельцина. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 192 с.
24. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 129.
25. Согрин В.В. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 3–23.
26. Согрин В.В. Интеллигенция и реформы // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 42–50.
27. Согрин В.В. Конфликт и консенсус в российской политике // Общественные науки и современность. – 1996. – № 1. – С. 35–44.
28. Согрин В.В. Михаил Горбачев: личность и история // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 136–146.
29. Согрин В.В. 1985–1995: Реалии и утопии новой России // Отечественная история. – 1995. – № 2. – С. 3–16.
30. Согрин В.В. Российская история конца XX столетия в контексте всеобщей истории: теоретическое осмысление // Новая и новейшая история. – 1999. – № 1. – С. 58–65.
31. Urban M. More power to the Soviets. The Democratic revolution in the USSR. – Brookfield Vermont, 1990. – 167 p.
32. White S. Gorbachev in power. – Cambridge University Press, 1990. – 268 p.
33. Robinson N. "The Party is sacred to me": Gorbachev and the place of the party in soviet reform, 1985–1990 // Discussion Paper Series. Russian and Soviet Studies Centre, University of Essex. – June. – 1991. – № 10. – P. 1–32.
34. White S. The Soviet Union: Gorbachev, Perestroika and Socialism // Beyond Staljnjsm: Communist political evolution. – Frank Cass Ltd, 1992. – P. 23–40.
35. Cooper L. Power and Politics in the Soviet Union. The Crumbling of an Empire. – L., 1992. – 160 p.
36. Alfred G. Meyer. The Soviet Political System. – Random House. – N.Y., 1965. – 400 p.
37. Rigby T.H. Traditional, Market and Organisational Societies and the USSR // World Politics. – 1964. – V. 16. – P. 545.
38. Rigby T.H. Gorbachev and Mono-organisational Socialism // The Changing Soviet System. – Edward Elgar, Aldershot, 1990. – 248 p.
39. Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. Edited by D. Lane. – Edward Elgar, Aldershot, 1992. – P. 15–16.
40. Sakwa R. The Rise and Fall of the Soviet Union 1917–1991. – L., N.Y., 1999. – 521 p.
41. Kotkin S. Armageddon averted. The soviet collapse, 1970–2000. – Oxford University Press, 2001. – 245 p.
42. White S., Gill G., Slider D. The politics of transition: shaping a post-Soviet future. – Cambridge University press, 1994. – 277 p.
43. Weigle Marcia A. Russia's liberal project. State-society relations in the transition from communism. – Pennsylvania State University Press, 2000. – 508 p.
44. Brown A. The Gorbachev factor. – Oxford University press, 1996. – 406 p.
45. Gorbachev, Yeltsin and Putin. Political Leadership in Russia's Transition // Ed. by A. Brown, L. Shevtsova. – Washington, 2001. – 163 p.
46. Daniels R.V. Russia's Transformation. Snapshots of a crumbling system. – Oxford, N.Y., 1998. – 245 p.
47. Russia after the cold war // Ed. by M. Bowker and C. Ross. – Edinburgh, 2000. – 368 p.
48. Urban M. Stages of Political Identity Formation in Late Soviet and Post-Soviet Russia // Identities in Transition: Eastern Europe and Russia after the collapse of communism. – University of California at Berkeley, 1996. – P. 140–144.
49. White S., Rose R., McAllister I. How Russia votes. – New Jersey: Chatham, 1997. – 332 p.